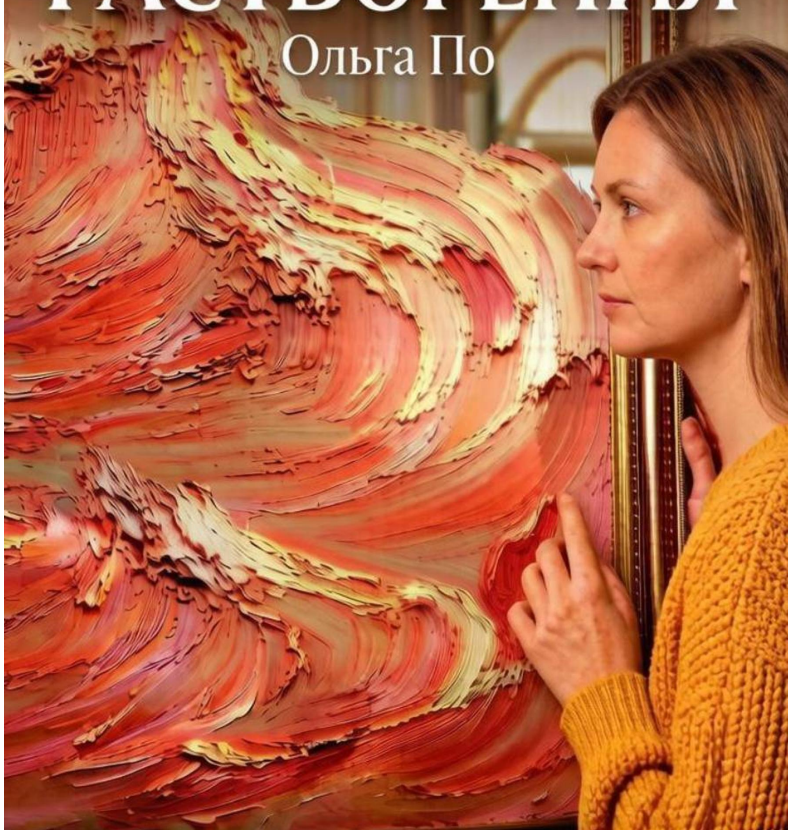

ТОЧКА РАСТВОРЕНИЯ

Ольга По

Ольга По

Точка растворения

<https://litres.ru/74523554>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Николаевна привыкла всё контролировать — безупречный аудитор крупного холдинга, женщина с идеальной осанкой и железной логикой. Но в 56-й день рождения её выверенный мир даёт необъяснимый, пугающий сбой.

Вера стремительно становится невидимой для человеческих глаз. Но парадокс в том, что техника её видит, а люди — нет.

Когда в компании исчезает важная папка с документами, а на саму Веру падает подозрение в шпионаже, она решает принять правила этого безумного сдвига реальности. Избирательная невидимость становится её оружием в опасном расследовании. Ей предстоит пройти сквозь офисные интриги, заглянуть в изнанку чужих тайн и встретить странного звездочёта Арсения, который единственный знает физику этого космического излома.

Сможет ли женщина структуры вернуть свою прежнюю форму, или этот туман навсегда сотрёт её прошлую жизнь, оставив лишь чистый холст?

Психологический детектив с элементами магического реализма о потере себя, цене безупречного фасада и роскоши быть настоящей

Содержание

глава 1	4
глава 2	18
глава 3	28
глава 4	35
глава 5	44
глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ольга По

Точка растворения

*Луна в Козероге — внутренний замок
психики, где чувства закованы в
броню дисциплины, а безопасность
измеряется идеальным порядком.*

*Сатурн — архитектор формы
и времени. Он выстраивает границы,
требует отчётов и держит человека
в клетке долга, пока тот не
обретет опору внутри себя.*

*<i>(Из закрытых лекций </i><i>по аналитической
астропсихологии)</i>*

глава 1

Вера всегда умела держать спину. В свои пятьдесят шесть она обладала той редкой несуетливой элегантностью, которая заставляла мужчин в офисе невольно застёгивать пиджаки, а молодых девчонок-стажёрок — переставать жевать жвачку и выпрямляться. Безупречно отутюженная блузка оттенка топлёного молока, нитка хорошего японского жемчуга, мягкий, но не допускающий возражений голос. Вера была старшим аудитором и главным неофициальным стержнем юридического департамента крупной консалтинговой

фирмы.

Её Луна в Козероге — как пошутил когда-то один случайный попутчик, увлекавшийся звёздами — требовала от неё абсолютного стерильного порядка. И Вера подчинялась этому требованию с удовольствием. Её рабочий стол представлял собой шедевр эргономики: органайзеры выровнены по линейке, папки с документами разложены строго по цветам и хронологии, а карандаши заточены так остро, что ими можно было совершить хирургическую операцию. И даже ручка, подаренная тем самым случайным попутчиком, когда её собственная перестала писать, и Вера не могла продолжить разгадывать кроссворд, занимала свое место в стакане для письменных принадлежностей, хоть теперь, конечно, в ней засохли чернила.

Вера улыбнулась этому нечаянному воспоминанию.

Порядок снаружи защищал Веру от хаоса внутри. А хаос в последнее время подступал слишком близко.

Осеннее солнце неохотно пробивалось сквозь панорамные окна бизнес-центра, ложась блёклыми квадратами на ковровин. Сегодня был её день рождения. Пятьдесят шесть. Цифра казалась чужой, не имеющей к ней отношения. Внутри не было детского предвкушения праздника, но было твёрдое, приятное взрослое чувство: она на своем месте, она незаменима, её жизнь — это надёжно выстроенное здание с прочным фундаментом. Её цель на сегодня была проста и понятна — закрыть аудит по холдингу «Дельта», уйти домой

вовремя, надеть шёлковое пудровое платье и провести вечер с семьей и подругами. Она всё контролировала.

Ровно в 8:45, как по хронометру, ожил её рабочий телефон. На экране высветилось: *Игорь Петрович*. Начальник звонил из затяжной командировки.

— Да, Игорь Петрович, доброе утро, — Вера ответила на втором гудке. Её голос звучал идеально: бодро, собранно, профессионально.

— Верочка, доброе! — баритон начальника шуршал и прерывался из-за плохой связи, на заднем плане гудел интерьер крупного сибирского аэропорта. — Прежде всего — с днём рождения тебя, дорогая! Здоровья, благополучия, ну и терпения с нами. Ты у нас золото, сама знаешь. Настоящая опора. Что бы мы без тебя делали.

— Уже не квадратно-гнездовая душа? — улыбнулась Вера, вспомнив метафору, которой одарил ее начальник после очередной сложной, но скрупулезно выверенной налоговой проверки.

— Ой, Вер, ты все помнишь что ли это? — рассмеялся Игорь Петрович, — ты же знаешь, это любя. Комплимент тебе хотел сказать.

— Правда? Но я так и не поняла, что вы хотели этим сказать, — Веру снова кольнуло былой обидой.

— Ну что ты, дорогая, — мягко пробаритонил Игорь Петрович, — это потрясающая способность к порядку, которой ты обладаешь, как никто другой. Квадратно-гнездовым спо-

собом, то есть все по линейке и в правильной геометрической форме сажают растения в поле, когда хотят получить самый большой урожай.

— Ладно, ладно, не оправдывайтесь. Спасибо большое за разъяснения и поздравления, Игорь Петрович, мне очень приятно, — Вере действительно было важно это признание. Начальник жестко держал субординацию, но её профессионализм уважал безмерно.

— Так, а теперь к делу, — голос Игоря Петровича мгновенно растерял праздничные ноты, превратившись в сухой свист. — Я застрял на переговорах в Красноярске ещё минимум на неделю. Тут вскрылись новые обстоятельства. Весь контроль по «Дельте» остаётся исключительно на тебе. Документы из налоговой инспекции по их встречной проверке должны быть у нас в сейфе не позднее завтрашнего дня. Оригиналы. Поняла? Никаких сканов и электронных копий. Заказчик на грани паники, если там всплывут старые счета-фактуры, фирме конец. Проверь аудит лично. Никому из молодых не перепоручай. Я доверяю только тебе. На тебя одну надежда, Вера. Всё, мне пора на посадку.

Трубка коротко пискнула и отключилась. Вера медленно опустила руку с телефоном на полированную поверхность стола.

«На тебя одну надежда». Эта фраза, как обычно, согрела её изнутри, но тут же легла на плечи привычным ощутимым грузом. Её ценили. Но глубоко внутри Вера понимала: её це-

нят как идеально отлаженный рабочий механизм, который не совершает ошибок. Если механизм сломается, его заменят. Но ломаться Вера не собиралась.

Она потянулась к чашке, чтобы сделать глоток тёплого чая с бергамотом, и в этот момент личный мобильный телефон на углу стола коротко завибрировал. Сообщение от дочери. Вера быстро разблокировала экран, ожидая привычных тёплых поздравлений и стикеров с цветами. На экране светилась яркая, залитая полуденным солнцем фотография: её тридцатилетняя дочь Наташа, зять и маленький внук Димка стояли на фоне развесистых пальм и лазурного моря.

«Мамуль, с днём рождения!!! Мы уже на Кипре! Извини, что так сумбурно и не позвонили, вчера вечером мужу подвернулся невероятный горящий тур от компании, вылет был ночью, даже чемоданы толком не успели собрать, всё на бегу! Прилетим через десять дней — сразу к тебе с подарками! Любим, целуем, ты у нас самая лучшая!»

В груди, прямо под ниткой жемчуга, кольнуло острой иголкой одиночества. Конечно, она всё понимала. Кипр, закрытая распродажа туров, редкая удача для молодой семьи. Нельзя упускать такой шанс. Но шёлковое платье цвета пудры, висящее дома в шкафу теперь показалось ей оглушительно нелепым.

Вера попыталась опустить руку с телефоном, но пальцы свело короткой незаметной судорогой — пластиковая трубка словно намертво прилипла к ладони. Ей потребовалось

усилие воли, чтобы разжать хватку. Когда телефон наконец лёг на полированную поверхность стола, Вере показалось, что его лаковый корпус отражает свет как-то неправильно — блики стали мертвенно-серыми, а хромированный ободок органайзера внезапно ослепил её безжалостной вспышкой.

В наступившей тишине кабинета Вера вдруг услышала собственное дыхание. Оно было каким-то частым и поверхностным, словно воздух застревал на уровне горла, отказываясь опускаться в лёгкие. В груди, где-то очень глубоко, что-то туго и болезненно повернулось, как ржавый затвор. Кожа под воротником блузки мгновенно стала влажной и горячей, а по затылку, наоборот, побежали мелкие ледяные мурашки.

Этот томительный груз упал на плечи не мыслью — он упал физической тяжестью. Желудок сжался в тугий комок. В ушах возник едва уловимый, но навязчивый зум, похожий на гул высоковольтных проводов в пустом поле. На секунду её безупречно отутюженная блузка оттенка топлёного молока показалась ей тесной, удушающей смирительной рубашкой.

Ум ещё послушно выстраивал привычные баррикады из планов на вечер, шёлкового пудрового платья и уютного домашнего застолья с подругами. Но тело уже всё знало. Оно кричало о тотальном одиночестве. Прямо из подсознания всплыла мысль: «Ты, Вера, существуешь, пока кому-то что-то от тебя нужно. А если нет — так и стой в своем стакане,

как та самая засохшая ручка».

Она опустила взгляд на лежащий перед ней черновик аудиторского заключения по «Дельте». Плотная дорогая бумага, испещрённая аккуратными колонками цифр.

— Работай. Работа лечит. — прошептала она себе.

Вера протянула руку, взяла со стола самый мягкий графитовый карандаш — маркировки 4В — и зависла над страницей. Ей нужно было проверить итоговую сумму налоговых рисков.

Но в этот момент цифры на листе поплыли. Чернильные строчки, которые еще секунду назад казались незыблемыми, основательными и безопасными, внезапно потеряли свою геометрию. Черные цифры стали двоиться, расплываться по краям, превращаясь в жирные точки. Вера зажмурилась, тряхнула головой, надеясь, что это просто спазм сосудов, о котором предупреждало тело. Но когда она открыла глаза, ровные колонки аудита показались ей мертвыми бессмысленными палочками. Весь её тридцатилетний опыт, вся её юридическая броня сжались до размера этой ничтожной пустой графы, которая не могла спасти её от оглушительного одиночества.

Внутри неё, прямо под ребрами, словно лопнула натянутая до предела струна. Контроль, который она держала как отлаженный алгоритм, на долю секунды просто испарился, оставив вместо себя звенящую пустоту.

Разум отключился. Рука пошла сама. Без её воли, без кар-

динального выбора — с какой-то яростной пугающей скоростью. Кончик грифеля 4В опустился на широкое белое поле в самом низу листа. Графит ложился на бумагу жирными рваными штрихами. Вера смотрела на свои пальцы словно со стороны, оцепенев от ужаса и невозможности остановиться. Из этого глухого ментального спазма, из удушающей невозможности закричать или заплакать, её рука выплескивала на бумагу то, что разум запрещал ей чувствовать годами.

Через минуту на белом поле документа закипела бездна. Это была вода. Огромная, вздыбленная, безумная волна, поднявшая свой пенистый гребень над морем. Графика была объемной, пугающе живой: мягкий графит передавал блеск водяной толщи и ярость пены, которая, казалось, вот-вот зальет сухие строчки отчетов. Это был её собственный внутренний океан, который больше не помещался в жесткие рамки её идеальной жизни.

Вера испуганно отдернула руку, выронив карандаш. Тот покатился по столу и упал на ковролин. Сердце колотилось в самом горле. Что это было?

В этот момент дверь кабинета без стука распахнулась. На пороге появился Олег — один из ведущих юристов фирмы, молодой амбициозный хищник в идеально сидящем синем костюме. Он обычно влетал к Вере за консультациями, засыпая её комплиментами ради того, чтобы она быстрее проверила его договоры.

Сейчас Олег шагнул в кабинет, держа в руках стопку до-

кументов. Но его взгляд не остановился на Вере. Он смотрел прямо перед собой, словно комната была пуста.

— Вера Николаевна... — начал он, но его голос прозвучал как-то неуверенно, будто он говорил в пустоту. Он подошел к столу, потянулся, чтобы положить свои бумаги, и тут его взгляд упал на черновик «Дельты».

Олег замер. Его глаза расширились. Он уставился на нижнюю часть листа, где бушевал графитовый Девятый вал.

— Ничего себе... — выдохнул он, наклоняясь ниже. — Это кто сделал? Вера Николаевна, это вы? Откуда это здесь?

Вера сидела прямо перед ним, в полуметре. Она смотрела на него снизу вверх, её губы разомкнулись, чтобы ответить: «Да, Олег, я сама не понимаю...». Но звук словно застрял в горле.

Олег не смотрел на неё. Он смотрел на рисунок. Он протянул палец, осторожно коснулся жирного графитового наброска, и на его подушечке остался серый след.

— Невероятно. Как живая... — пробормотал он.

Затем он поднял голову. Его взгляд скользнул по лицу Веры, но не зафиксировался на ней. Это было жутко: его зрачки были направлены прямо на её глаза, но в них отражалась лишь пустота. Словно на её месте стояло мутное, засиженное мухами стекло. Олег на секунду нахмурился, тряхнул головой, будто у него заложило уши или перед глазами поплыли пятна.

— Странно... — тихо сказал он сам себе.

Он повернулся спиной к Вере, оставив свои бумаги на углу стола, и быстрым шагом вышел из кабинета, даже не прикрыв за собой дверь.

Вера осталась сидеть в полной тишине. На её бланке темнела яростная волна, а на пальцах Олега остался её след. Рисунки он увидел. А её — нет.

Веру прошиб холодный пот. Она посмотрела на свои руки — обычные, ухоженные ладони с аккуратным французским маникюром. Кожа была теплой. Она была здесь, она была абсолютно реальной. Она не превратилась в призрак, не уменьшилась в размерах. Она не изменилась.

Вера решительно поднялась со стула. Острые каблуки её туфель привычно и громко цокнули по паркетной вставке у стола. Звук был отчетливым. Она резко смахнула папки по «Дельте» в ящик стола, оставив на виду только бумаги Олега и черновик с нарисованным штормом. Ей нужно было уйти. Немедленно. Прочь из этого душного офиса, где люди смотрят на неё, как на пустое место. Она поедет домой. Дома стены помнят её. Дома её ждет то самое платье цвета пудры.

Она подхватила кожаную сумку, накинула на плечи легкое кашемировое пальто и вышла в коридор, плотно прихлопнув за собой дверь.

Коридор юридического департамента в этот час обычно гудел, как улей. Из кабинетов доносились голоса, хлопали двери, пахло дорогим кофе из автомата. Навстречу Вере шла Светочка из секретариата — молодая, вечно щебечущая де-

вушка. Обычно при виде Веры она расплывалась в улыбке и обязательно засыпала её комплиментами, выпрашивая дежурную конфету.

— Света, доброе утро, — Вера остановилась прямо посреди узкого прохода, перегородив его почти наполовину. — Курьер из налоговой привозил пакет на моё имя? Проверь, пожалуйста.

Света шла быстро, её пальцы летали по экрану планшета. Она не просто не остановилась — она перла по центру прохода как танк, будто коридор был абсолютно пуст. В последний момент, когда столкновение казалось неизбежным, Вера инстинктивно вжалась в стену. Света пронеслась мимо, едва не задев рукав кашемирового пальто Веры. Она даже не подняла глаз. Отрешённо, словно отвечая на собственные мысли, Света пробормотала под нос: «Да где же этот договор, шеф убьёт...», — и скрылась за поворотом.

— Света! — громче, чем обычно, крикнула Вера ей вслед.

Ни один человек в коридоре не обернулся. Два юриста из соседнего отдела стояли у кофейного автомата и спорили о пункте в контракте. Вера сделала три шага к ним.

— Коллеги, вы не видели, курьер из налоговой приходил? — спросила она, глядя прямо на одного из них, Андрея.

Андрей на секунду запнулся посреди фразы. Его взгляд дернулся, мазнул по лицу Веры, но не зафиксировался. Он нахмурился, потер ладонью шею, словно от внезапно-го сквозняка, и продолжил говорить своему спутнику: «Так

вот, я ему и говорю — пункт три-четыре нужно переписать...».

Вере показалось, что её ударили под дых. Они её слышали — точнее, их мозг как будто регистрировал какой-то акустический шум, но они не могли сопоставить его с ней. Для них её не существовало в этой комнате. Их «приемники» просто отказывались обрабатывать информацию о Вере Николаевне, старшем аудиторе.

Она почти побежала к лифтам. Возле зеркальной стены лифтового холла стоял сисадмин Костя — парень, которому Вера еще на прошлой неделе пекла фирменный пирог в благодарность за починенный ноутбук.

Вера подошла к зеркалу. Из глубины серебристого стекла на неё смотрела женщина с бледным лицом и расширенными от ужаса зрачками. Помада оттенка пыльной розы казалась слишком яркой на этой маске.

Костя стоял рядом, лениво листая ленту в телефоне. Лифт бесшумно открыл двери. Костя шагнул внутрь. Вера зашла следом. В замкнутом пространстве кабины пахло его мятной жвачкой и одеколоном.

— Костя, привет, — тихо, со скрытой мольбой в голосе произнесла Вера.

Костя не поднял головы. Он продолжал смотреть в телефон. Вера протянула руку и слегка коснулась его плеча. Парень вздрогнул, резко обернулся, его взгляд испуганно прошелся по кабине лифта, словно никого в лифте больше не

было. Он отступил на шаг, вжавшись спиной в стенку кабины, и судорожно нажал на кнопку первого этажа, хотя лифт уже ехал вниз. Вера видела, что на его лбу выступили мелкие капли пота, а взгляд усиленно уперся в смартфон.

Двери лифта открылись на первом этаже. Костя буквально вылетел в вестибюль, чуть не сбив с ног охранника. Вера вышла следом, едва переставляя ватные ноги. На выходе из здания на вертушке сидел старый охранник Михалыч, который знал Веру десять лет. Она приготовила электронный пропуск.

Михалыч смотрел на турникет сонным взглядом. Вера приложила пластиковую карту. Автомат пискнул, загорелась зеленая стрелка. Вера толкнула блестящую штангу турникета и пошла к выходу.

— Слышь, ты куда без пропуска? — вдруг рявкнул Михалыч, приподнимаясь со своего стула.

Вера вздрогнула и обернулась. Наконец-то! Её увидели!

— Михалыч, это я, Вера Николаевна. Я приложила пропуск, вот он, — она подняла карту вверх.

Но Михалыч смотрел не на неё. Его взгляд был устремлен на турникет. Он смотрел сквозь Веру на улицу, где шумел осенний город.

— Чертовщина какая-то... Опять автоматика сбоит, — проворчал старик, садясь обратно и утыкаясь в кроссворд.

Вера медленно опустила руку с карточкой. Толкнула тяжелую стеклянную дверь бизнес-центра и шагнула на улицу.

Осенний холодный воздух резко ударил в лицо, но он не мог пронять тот ужас, который сковал её изнутри. Она вышла в город, который стремительно забывал о её существовании.

глава 2

Выбежав из душного бизнес-центра на залитую октябрьским солнцем улицу, Вера остановилась и глубоко судорожно задышала. Руки мелко дрожали.

«Так, спокойно. — думала она. — Давай разложим факты по полочкам, Вера. Факт первый: Наташа улетела. Это логично, это горящий тур, молодая семья должна отдыхать. Никакой катастрофы. Стол накрыт? Ничего, утка постоит в холодильнике, сыр заветрится — выброшу. Это просто продукты. А Олег... Он стоял прямо передо мной. Он на меня смотрел! Но видел только пустоту! Серую, мутную пустоту! Словно из уравнения моей жизни просто стерли главный элемент — меня саму. Нет, это бред. Это усталость. Сосуды. Глазное давление. Нужно просто пройти обследование. Я найду эту ошибку».

Первой мыслью, за которую ухватился её рацию, была болезнь. В пятьдесят шесть лет микроинсульт может маскироваться под самые причудливые психические расстройства. Люди её не видят, но этого не может быть. Значит, это её собственный мозг неправильно обрабатывает их реакцию.

Она достала телефон и набрала Льва Борисовича — заведующего отделением в частной клинике неподалеку, давнего друга семьи. Вера три года подряд вытаскивала его клинику из кабальных налоговых проверок, и Лев Борисович ценил

её как спасительницу.

— Верочка, дорогая! — трубка отозвалась мгновенно, и Вера обдало волной облегчения. Голос живой, реальный. — С днём рождения! Как раз собирался тебе писать. Что-то стряслось? У тебя голос странный.

— Лев Борисович, мне нужно к вам. Прямо сейчас. Вы можете меня принять? Мне... мне нехорошо.

Через двадцать минут Вера уже сидела в светлом, пахнущем дорогим парфюмом и антисептиком кабинете невролога. Лев Борисович, благообразный мужчина с седой бородкой, внимательно осмотрел её, посветил фонариком в зрачки, заставил пройти по линии и дотронуться до кончика носа. Затем изучил свежие анализы из её карты.

— Ну что я тебе скажу, именинница, — Лев Борисович устало улыбнулся и откинулся на спинку кресла. — Ты здорова как космонавт. Давление сто двадцать на восемьдесят. Рефлексы идеальные. Сосуды чистые. Никакого намека на кризис.

— Но люди... — Вера сжала пальцы так, что побелели суставы. — Лев Борисович, они смотрят сквозь меня. Секретарь прошла насквозь, сидсмин испугался, когда я его коснулась, потому что не видел меня в упор! Я схожу с ума?

Врач вздохнул. Его взгляд на секунду стал отсутствующим.

— Верочка, ты просто переутомилась, — мягко сказал он. — работа, командировка начальника, дети улетели... Твой

мозг отчаянно требует изоляции. Тебе кажется, что тебя не замечают, потому что ты сама подсознательно хочешь спрятаться. Синдром выгорания. Знаешь, что я тебе пропишу? Никаких таблеток. Иди-ка ты гулять. Походи по улицам, подыши воздухом, посмотри на витрины. Отпусти контроль хотя бы на один день. А вечером выпей бокал хорошего вина.

Вера вышла из клиники. Заключение врача должно было успокоить её, но эффект получился обратным. Если тело здорово, значит, ломается сама реальность.

Она послушалась совета. Целый день, долгие пять часов, Вера слонялась по осеннему городу. Это были самые жуткие часы в её жизни. Она пыталась «заземлиться», заглядывала в окна магазинов, ходила по набережной, но пелена тотального игнора только сгущалась. Город жил своей шумной предвечерней жизнью, бурлил потоками машин и прохожих, но Вера двигалась внутри этого потока как чужеродное тело. «Они огибают меня за долю секунды до столкновения, как бездомные собаки огибают фонарный столб. Автоматически! Машинально! — вертелось у нее в голове. — Мое Солнце... оно словно погасло. Это не депрессия и не выгорание, Лев Борисович. Вы ошиблись. Ломается не мой мозг. Ломается мир вокруг меня. Если правила больше не работают, если люди перестали быть моими зеркалами, то как мне доказать самой себе, что я еще существую? Где моя точка опоры?»

Когда она попыталась купить стакан кофе в уличном киоске, продавец долго смотрел на купюру в её руке, протяжно

зевнул, отвернулся к кофемашине и начал протирать стойку. Вера не стала спорить. На часах было уже почти шесть часов, солнце садилось, окрашивая крыши в багровый цвет. Истерзанная, продрогшая и вконец запутавшаяся, Вера повернула к дому. Ей нужно было спрятаться в своей крепости. К половине седьмого она поднялась в свою квартиру...

Дома было тепло, тихо и абсолютно безопасно. Здесь, в пределах двухкомнатной квартиры, мир Веры оставался незыблемым. Накрахмаленные льняные салфетки лежали в ящике буфета ровными стопками, фарфоровые чашки смотрели ручками в одну сторону, а в воздухе едва уловимо пахло лавандовым кондиционером для белья.

Вера заперла входную дверь на два оборота замка, прислонилась спиной к дубовому полотну и закрыла глаза. Сердце, всю дорогу колотившееся как сумасшедшее, постепенно замедляло свой ход.

— Все это какой-то бред, — громко, отчетливо произнесла она в пустоту прихожей. Её собственный голос прозвучал плотно и весомо. — Я просто устала. И эта нервотрепка с «Дельтой». И у Кости в лифте просто сдали нервы, а Михалыч стареет и невнимательно смотрит на турникет. Светочка... Светочка всегда была эгоисткой. Всё в порядке. Я здесь.

Она открыла глаза и посмотрела в зеркало. Из серебряной глубины на неё преданно и четко смотрела Вера Николаевна. Никакого тумана. Кашемировое пальто, нитка жемчуга, бледные щеки. Она существовала.

Вера решительно сняла уличную одежду, вымыла руки с мылом и прошла в кухню.

В холодильнике её ждал праздничный ужин, приготовленный ещё вчера поздно вечером. Вера достала тарелку с нарезкой дорогого сыра, запеченную утку с айвой, выставила на стол хрустальные бокалы, которые доставались только по особым случаям. Стол на троих выглядел безупречно. Она ждала Надю и Лену. С Надей они дружили с первого курса института, знали друг о друге всё — от первых неудачных влюбленностей до цвета обоев в спальнях. Надя не могла её не увидеть. Надя была её якорем.

Вера прошла в спальню. Из шкафа на свет божий было извлечено платье, купленное специально для этого дня — шёлк сложного пудрового оттенка, который идеально подчеркивал её осанку и цвет глаз. Вера надела его, застегнула молнию на боку. Ткань ласково скользнула по телу. Она подошла к туалетному столику, взяла помаду оттенка пыльной розы и аккуратно обвела контур губ.

Раритетные механические часы на стене пробили ровно семь вечера. Время, на которое они договаривались.

Телефон на столе молчал. Вера подождала еще пятнадцать минут. В тишине квартиры звук тиканья часов казался оглушительным. Внутри снова начал подниматься тот самый навязчивый холодок.

Она взяла мобильный и набрала номер Нади. Гудки шли долго, словно прорываясь сквозь толщу океанской воды. На-

конец на том конце провода щелкнуло. На Веру обрушился заторможенный шум, сквозь который пробивалась пафосная оркестровая музыка и звуки множества голосов.

— Алло? Надя? — Вера невольно прижала трубку плотнее к уху. — Ты где? Я жду. Ужин уже на столе.

— Да, Вер... — голос Нади прозвучал как-то странно. В нем не было привычной девичьей звонкости, он казался далеким, будто Надя говорила во сне или под наркозом. — Слушай, мы тут... в кино. С Колей. Извини, забегалась. А что такое?

Вера замерла посреди кухни. Рука, державшая телефон, мгновенно заledenела.

— Надя, сегодня мой день рождения, — отдельно, чекая каждое слово, произнесла Вера. — Пятьдесят шесть лет. Мы договаривались встретиться у меня в семь.

В трубке повисла долгая, вязкая пауза. Было слышно, как на экране в кинотеатре взрывается что-то. Этот чужой мир жил, двигался, шумел, а Вера стояла в своем пудровом шёлке посреди стерильной кухни.

— Ой... Да? — Надин голос дернулся, но как-то вяло, без искреннего испуга или стыда. Так удивляются, когда узнают, что на улице пошел мелкий дождь. — Надо же... Совсем из головы вылетело. Прости, дорогая, заработалась на этой неделе, голова кругом. С днём рождения тебя, конечно. Счастья, здоровья... Слушай, я перезвоню, ладно? Тут .. в общем .. неудобно говорить. Пока!

Короткие бездушные гудки оборвали связь.

Вера медленно опустила руку. Ей не было грустно. На смену обиде пришел утробный ужас. Надя — человек, который помнил дату её рождения даже в самые тяжелые годы, сейчас отмахнулась от неё, как от назойливого спама. В её голосе не было вины. В нем было абсолютное равнодушие, словно Вера Николаевна была несуществующим персонажем из старой книги, которую Надя когда-то читала, но напрочь забыла сюжет.

Вера посмотрела на утку с айвой, на хрустальные бокалы, в которых отражался свет люстры. Всё это казалось декорациями к спектаклю, на который не пришли зрители. И актера, в общем-то, тоже никто не нанимал.

Вдруг её дыхание перехватило. Накатила волна ярости и отчаяния. Ей захотелось закричать, завывать, разбить эти треклятые хрустальные бокалы об пол.

Вместо этого рука её снова дернулась сама по себе — точно так же, как утром в офисе. Вера, словно в трансе, подошла к большому зеркалу в прихожей. В правой руке у неё по-прежнему была зажата открытая помада «пыльная роза».

Она поднесла тюбик к стеклу. И с какой-то яростной безумной скоростью начала чертить прямо по своему отражению.

Жирный плотный кремовый след ложился на стекло. Вера рисовала шторм. Снова. Это были огромные рваные волны, которые закручивались в спираль, погребая под собой её

собственное лицо. Помада ломалась, пачкала пальцы, но Вера не могла остановиться, пока вся центральная часть зеркала не превратилась в бушующее грязновато-розовое месиво. Её лица больше не было видно. Была только стихия.

Вера тяжело задышала, отступив на шаг. Помада выпала из пальцев и покатилась по паркету, оставляя жирный след.

И в эту секунду в тишине квартиры раздался резкий оглушительный звонок в дверь. Вера подпрыгнула на месте. Звук был реальным. Кто-то стоял на её лестничной клетке и настойчиво жал на кнопку звонка. Сердце забилося в ушах. Надя? Лена? Неужели они пришли? Неужели наваждение рассеялось?

Она бросилась к двери, дрожащими пальцами повернула ручку замка и распахнула тяжелую створку.

На пороге стоял молодой парень-курьер в ярко-желтой куртке службы доставки. В руках он держал большую коробку, перевязанную праздничной лентой. На его лице блуждала дежурная улыбка.

— Вера Николаевна? — громко и четко спросил он, глядя прямо ей в глаза.

У Веры подкосились колени. Её назвали по имени. Её увидели.

— Да... Да, это я, — выдохнула она, хватаясь за косяк.

— Вам доставка...компания «Дельта» поздравляет вас с днем рождения.. — курьер опустил взгляд в свой терминал, и тут его лицо странно изменилось. Улыбка сползла, брови

сошлись на переносице. Он замер, глядя на экран смартфона, а потом поднял глаза обратно на Веру.

Точнее, туда, где она стояла. Его взгляд мгновенно потерял фокус. Он смотрел поверх неё, прямо в прихожую, где на зеркале бушевала нарисованная помадой волна.

— У меня таймер капает. — растерянно протянул парень, делая шаг назад. — Я коробку на пол поставлю, ладно?

— Я здесь! Я перед вами! — закричала Вера, протягивая к нему руки.

Курьер испуганно чертыхнулся, бросил коробку прямо на коврик у порога и бросился к лифту.

Вера осталась стоять перед открытой дверью. Коробка валялась неровно на краю коврика. Что там? Дежурные цветы-пирожные? Но ведь «Дельта»-то о ней помнит! Ах да, это могло быть заказано заранее, когда Вера только принималась за их аудит. Теперь это неважно.

Вера захлопнула дверь. Мир снова выключил её. Взгляд Веры упал на зеркало: нарисованная волна словно светилась в полумраке прихожей. Курьер увидел её имя в заказе, увидел рисунок на зеркале, но её саму — нет.

Вера поняла: сидеть здесь и ждать чуда — значит добровольно закопать себя в эту прозрачную могилу. Нужно действовать. Лена. Осталась Лена. Она живет всего в трех кварталах отсюда. Вера не будет звонить. Она сорвала с себя шелковое платье, швырнула его на кровать, натянула старые джинсы, безразмерное худи с капюшоном и кроссовки. Она

должна найти Лену.

глава 3

Вера почти бежала вниз по лестнице, игнорируя лифт. Тяжелая коробка с подарком так и осталась лежать на коврикe у её порога. А парадная одежда валялась на кровати кучей дорогих тряпок. Раз уж мир вычеркнул её из списков видимых, ей больше не нужно было держать спину и соответствовать чужим ожиданиям. Ей нужно было выжить и сохранить рассудок.

До дома Лены было всего три квартала, но на улице хлынул противный октябрьский дождь. Ветер швырял пригоршни холодной воды в лицо. Идти пешком в такую погоду было безумием.

На остановке как раз притормозил окутанный полумраком полупустой автобус. Двери с тяжелым шипением распахнулись. Вера шагнула внутрь, обдав салон запахом дождевой сырости. Внутри было тепло, пахло нагретым пластиком. Несколько пассажиров сидели, уткнувшись в телефоны, и тусклый свет экранов делал их лица похожими на восковые маски.

Следом за Верой в автобус вошла дородная женщина со старой кожаной сумкой через плечо, которая сразу прошла в конец салона.

Вера достала из кармана транспортную карту. На входе висел валидатор. Она приложила пластик, и автомат по-

слушно пискнул, загорелась зеленая галочка — техника по-прежнему считывала её безупречно. Вера прошла вглубь салона и села на свободное сиденье у окна.

Женщина оказалась контролером.

— Граждане, приготовьте проездные документы, — зычно провозгласила она.

Проверяющая методично обходила салон и сканировала проездные карты пассажиров. Вера зажала свою между пальцами, готовая протянуть её для проверки.

Кондуктор подошла ближе. Её усталый взгляд скользил по рядам. Она остановилась ровно напротив Веры.

— Ваш билет, — хриплым прокуренным голосом произнесла женщина.

— Вот, пожалуйста, — Вера подняла руку с картой, протягивая её почти к самому лицу кондуктора.

Контролер повернулась к ней спиной и проверяла проездной у старика напротив. Затем она сделала два шага вперед и обратилась к дремавшему на соседнем ряду парню в наушниках: «Молодой человек, предъявляем проездной!».

— Женщина! — Вера поднялась со своего места. Голос её сорвался на непривычно резкий визгливый регистр. — Я здесь. Возьмите карту. Проверьте!

Парень в наушниках даже не повернул головы. Кондуктор нависла над ним всем корпусом. Автобус тряхнуло на колдобине, и Вера, потеряв равновесие, ухватила рукой за поручень.

Вере показалось, что стены автобуса начали сужаться, сдавливая её грудную клетку. Это было невыносимо. В бессилье она плюхнулась обратно на сиденье. Люди вокруг неё не были глухими или слепыми — они реагировали друг на друга, они ругались, двигались. Но для них пространство, которое занимала Вера Николаевна, было абсолютно пустым.

Автобус затормозил перед светофором. Дождь снаружи усилился, крупные капли с силой барабанили по металлической крыше. Окно рядом с Верой мгновенно покрылось густой белой полосой пара от разницы температур. Реальность за стеклом — размытые огни фар, силуэты домов, неоновые вывески — превратилась в сплошное месиво.

И тут её рука снова дернулась.

Вера, словно подчиняясь чужой воле, подняла указательный палец и прижала его к запотевшему стеклу. Кожа почувствовала пронзительный холод. Беззвучно, с какой-то пугающей четкостью, её палец начал выводить линии. Она снова рисовала стихию. Рваные дуги сменяли друг друга, превращаясь в пенный гребень гигантской волны, которая закручивалась в идеальную, математически точную спираль. Графика на стекле получалась объемной — капли дождя снаружи подсвечивали контуры изображения, делая его живым и зловещим. Девятый вал, шторм, который она принесла с собой из офиса, теперь застилал окно автобуса.

Вера отняла палец. Силуэт четко выделялся на запотев-

шем стекле.

— Ого... Мама, смотри, какая картина! — раздался звонкий детский голос сзади.

Вера вздрогнула и обернулась. На сиденье позади неё сидел маленький мальчик лет пяти в забавной шапке с ушками. Он тыкал пальчиком прямо в её окно, округлив глаза от восторга. Его мама, усталая женщина с тяжелыми пакетами, подняла глаза от телефона.

— Надо же, как красиво... — искренне удивилась женщина, разглядывая графику.

Она перевела взгляд на окно, потом её глаза скользнули чуть правее, туда, где сидела Вера в своем глубоком капюшоне. На долю секунды на лице женщины отразилось замешательство. На лбу прорезалась складка, зрачки расширились, пытаясь зацепиться за силуэт Веры. Она явно видела, что у окна кто-то сидит. Она почувствовала источник этого рисунка.

— Вы... вы художник? — неуверенно спросила женщина, обращаясь к капюшону.

У Веры перехватило дыхание. Мир качнулся. Волна на окне сработала как маяк, пробивший туман. Её творческий след заставил реальность сфокусироваться на ней.

Вера медленно повернула голову. Под глубоким капюшоном её лицо всё ещё оставалось бледным, но внутри впервые за этот безумный день затеплился крошечный спасительный огонек. Её спросили. К ней обратились.

— Нет, я не художник, — тихо, стараясь контролировать дрожь в голосе, ответила Вера. — Я... Сама не знаю, как это получилось. Рука сама потянулась.

Женщина на соседнем сиденье мягко улыбнулась. Её взгляд, до этого блуждавший и размытый, наконец-то зафиксировался на лице Веры.

— Очень талантливо, — искренне сказала женщина, поправляя сползающий с колен тяжелый пакет из супермаркета. — Мой Тёмка вон вообще глаз оторвать не может. Мы из кружка по рисованию едем, но они пока домики из квадратов рисуют, а тут — настоящая стихия. Меня, кстати, Мариной зовут.

— Вера Николаевна, — представилась Вера, и это простое официальное произнесение собственного имени на людях принесло ей почти физическое облегчение. Она здесь. Её зовут Вера.

Они проговорили оставшиеся две остановки. Марина рассказывала про капризы воспитателей в детском саду, про вечные московские пробки и про то, как тяжело совмещать отчеты на работе с материнством. Вера слушала её, как замороженная. Каждое обыденное слово Марины казалось ей величайшим даром, глотком чистого кислорода.

Парадокс заключался в другом. Весь остальной автобус оставался глух и слеп. Кондуктор снова прошла мимо них, грузно покачиваясь, и её взгляд скользнул по Марине, но нацисто проигнорировал Веру. Мужчина в промокшем плаще,

сидевший наискосок, на секунду поднял глаза на их голоса, но тут же отрешенно отвернулся к своему телефону, словно Вера была не живым собеседником, а негромко работающим радиоприемником. Пространство разделилось: Марина и её сын, зацепленные творческой энергией рисунка, видели Веру. Остальной мир продолжал ехать в режиме анабиоза, а набросок на окне потек набухшими каплями.

— Наша остановка, Тёмыч, пошли, — Марина зашуршала пакетами, поднимаясь с места. Мальчик на прощание помахал Вере пухлой ручкой. — До свидания, Вера Николаевна! Рады были познакомиться. У вас правда дар.

— Вера Николаевна, нарисуете еще? — мальчуган указал на окно, — я завтра опять посмотрю.

Вера только слабо улыбнулась ему в ответ.

Как только Марина и Темка шагнули на площадку у дверей и автобус с шипением выпустил их в дождевую темноту, Вера почувствовала, как невидимая стеклянная стена мгновенно сомкнулась обратно. Воздух вокруг неё снова стал плотным и чужим.

Автобус затормозил через минуту. Её остановка. Вера поднялась и вышла. Ливень хлынул с новой силой, превращая улицу в сплошной бурлящий поток.

Она быстро пошла по знакомому переулку к дому Лены. Сталинская высотка встретила её массивными дубовыми дверями. Вера набрала на домофоне номер квартиры Лены. Длинные безответные гудки. Она набрала снова. Тишина.

Вера достала мобильный. На экране светилась надпись: *«Абонент находится вне зоны действия сети»*.

Вера проникла в подъезд вместе с входящим жильцом и поднялась по лестнице на пятый этаж, подошла к массивной двери, обитой коричневой кожей, и несколько раз нажала на кнопку звонка. За дверью было тихо. Лена, её веселая, шумная Лена, которая никогда не выключала телефон и всегда сидела дома в такую погоду, словно испарилась.

Вера прислонилась лбом к холодному косяку. Морок продолжался. Вторая подруга была недоступна. Ехать больше было некуда. Оставалось только одно — возвращаться домой. Пешком, потому что садиться в прозрачный автобус без Марины и её сына у неё больше не было сил. Она пойдет через сквер. Кратчайшим путем. Туда, где среди темных деревьев её одиночество хотя бы будет казаться естественным.

глава 4

Сквер встретил Веру угрожающим ропотом столетних кленов. Из-за рано наступавшей темноты здесь уже не было ни души. Старые чугунные фонари давали тусклый янтарный свет, который едва пробивал плотную стену жухлой листвы. Асфальтовая дорожка блестела, как спина гигантской черной змеи, покрытая широкими лужами.

Вера шла быстро, пряча подбородок в воротник худи. Её мозг пытался зацепиться за привычный алгоритм: «Семьдесят шагов до поворота, потом мимо детской площадки, и я у арки своего дома». Но тело не обманешь. Врожденный инстинкт самосохранения, дремавший под слоями её безупречных манер, вдруг резко проснулся и заставил волосы на затылке встать дыбом.

Сзади раздались шаги.

Они не были тихими или крадущимися. Наоборот — тяжелые размашистые шлепки подошв по лужам. Кто-то шел следом, и очень быстро. Вера невольно ускорилась, с трудом сдерживая желание побежать. Но преследователь не отставал.

Она свернула на боковую, более темную аллею. Теперь Вера отчетливо слышала его дыхание — сиплое, простуженное. Так дышит крупный сильный человек, который долго бежал или быстро шел в гору.

Паника, весь день копившаяся внутри Веры, наконец прорвала плотину её выдержки. В голове вспыхнули криминальные хроники из вечерних новостей: нападения в парках, одинокие женщины, темнота. Сердце колотилось в ушах так громко, что заглушало шум шагов преследователя. Рука инстинктивно сжала в кармане ключи от квартиры — острое ребро металла между пальцами казалось единственным жалким оружием. Ей хотелось обернуться, закричать, броситься бежать, но ноги отказывались это делать.

Тень мужчины, вытянутая светом дальнего фонаря, накрыла её спину. Он был совсем близко. В полуметре. Вера кожей чувствовала движение воздуха от его шагов.

Вдруг мужчина резко пошел на обгон.

Это был высокий широкоплечий парень в темной спортивной куртке с накинутым на голову капюшоном. Он двигался размашисто, широко качая плечами из стороны в сторону, словно проламывал себе дорогу. Его правый локоть взлетел в очередном широком замахе и пронесся буквально в паре миллиметров от лица Веры.

Она инстинктивно зажмурилась, втянула голову в плечи и замерла, ожидая удара или рывка за сумку.

Но ничего не произошло.

Парень просто прошагал мимо. Его тяжелые ботинки с шумом взболтнули воду в луже, обдав джинсы Веры грязными брызгами. Он даже не повернул головы в её сторону. Его капюшон был развернут строго вперед, взгляд устремлен на

выход из парка. Вера для него не была ни привлекательной женщиной, ни потенциальной жертвой, ни даже досадным препятствием на узкой дорожке, которое нужно обойти. Его широкие плечи двигались так, словно аллея была абсолютно пуста.

Вера медленно выдохнула воздух, который, казалось, застрял в легких целую вечность назад.

В первую секунду её затопило горячее спасительное чувство облегчения. Опасность миновала. Это не маньяк. Это просто прохожий, который торопился домой к ужину. Живая теплая пульсация вернулась в пальцы.

Но уже в следующее мгновение это облегчение сменилось парализующим ужасом.

Вера посмотрела вслед удаляющейся широкой спине парня. Она поняла. Он прошел мимо, не потому что она показалась ему приличной женщиной. Он прошел мимо, потому что его зрение, его мозг вообще не зафиксировали её присутствия в этом парке. Если бы она стояла на полсантиметра правее, его мощное плечо просто врезалось бы в неё, как в неодушевленный предмет. Он не выбирал её не трогать. Для него её просто не существовало.

Её невидимость, которая в автобусе на пару минут рассеялась благодаря рисунку, снова сомкнулась над ней абсолютным монолитным куполом. Этот купол защитил её от нападения, но эта защита была сродни небытию.

Вера постояла минуту, чувствуя, как капли висящей в воз-

духе мороси стекают по лицу, смешиваясь с горькими солеными слезами, которых никто никогда не увидит. Она сжала зубы, заставила себя выпрямиться и пошла дальше, к выходу из парка.

Недалеко от ворот сквера темноту ночи рвали резкие ядовито-синие вспышки. Вера зажмурилась от контраста: после глухого мрака аллей этот свет казался хирургически безжалостным. Две полицейские машины стояли прямо на газоне, уткнувшись бамперами в старую чугунную ограду. Рядом, лениво поблескивая габаритами, замерла карета скорой помощи.

Вокруг желтой ленты оцепления, несмотря на поздний час и непогоду, уже топталось несколько зевак под зонтами. Вера подошла ближе. Внутри неё, вопреки всему, сработал старый триггер — долг гражданина и юриста. Она только что видела подозрительного мужчину. Высокий, широкоплечий, в капюшоне, шел быстро, дышал тяжело. Он идеально подходил под образ человека, скрывающегося с места преступления.

— Что случилось? — негромко спросила Вера у стоявшего рядом мужчины в намокшей куртке.

Мужчина не повернулся. Он лишь поплотнее натянул на лоб капюшон, продолжая всматриваться вглубь аллеи, где эксперт вспышкой фотоаппарата освещал мокрый асфальт. Для него её голос остался лишь фоновым шумом дождя.

Из-за оцепления вышел молодой следователь в промокшей форменной куртке. На его планшете, обтянутом защитной пленкой, быстро собирались крупные капли. Он выглядел злым, уставшим и насквозь продрогшим.

— Так, граждане, расходимся, не мешаем работать, — хмуро бросил он в толпу. — Может кто-то видел, куда побежал нападавший? Полчаса назад. Нападение на женщину. Ценна любая информация.

Вера сделала решительный шаг вперед, переступая через намокшую сигнальную ленту: вот оно, реальное дело, где её точность и наблюдательность могут спасти человека или помочь следствию.

— Товарищ лейтенант! — громко и четко позвала она, подходя к нему почти вплотную. — Я шла с той стороны. Меня недавно обогнал мужчина. Очень высокий, широкоплечий, в темной куртке с капюшоном. Он двигался размашисто, сильно качал плечами. Он выходил к противоположному выходу, но мог свернуть в эту сторону! Я хорошо запомнила его походку.

Лейтенант смотрел прямо перед собой. Его затуманенный взгляд скользнул по капюшону худи Веры, но на лице не отразилось ровным счетом ничего. Его зрачки оставались пустыми, словно он смотрел на кирпичную стену позади неё. Он даже не моргнул.

— Да я же вам говорю! — Вера отчаянно взмахнула рукой перед самым его носом.

В этот момент лейтенант вдруг оживился. Его взгляд резко сфокусировался, но... за правым плечом Веры. К ленте подошел пьяноватый мужчина с собакой на поводке.

— Слышь, командир, — прохрипел мужчина. — Я тут это... вон там какого-то доходягу видел минут двадцать назад. Мелкий такой, в кепке. К метро побежал.

— Мужчина, стойте! Подойдите сюда, — лейтенант буквально отодвинул Веру плечом, даже не заметив, что задел живого человека. Он шагнул мимо неё к владельцу собаки, на ходу открывая планшет. — Опишите подробнее. Какая кепка? Во что одет?

Вера осталась стоять на мокром асфальте, качнувшись от его толчка. Полицейский не просто проигнорировал её — её важные точные показания были стерты из реальности глупым лепетом случайного прохожего. Мир принимал любую ложь, любой хаос, но упорно отказывался регистрировать её структурированную правду.

Она медленно повернулась и пошла прочь от мигалок. «Он отодвинул меня в сторону, как мешающую ветку куста, чтобы выслушать пьяный лепет человека с собакой. — слова в ее голове складывались в стопку прозрачных стеклянных кирпичей. — Мир принимает любую чушь, но не слышит меня».

Страх ушел, оставив вместо себя громкую бездонную пустоту. До самого дома она дошла как автомат. Подъезд, лифт. Туман перед глазами. Вера споткнулась обо что-то и рефлек-

торно толкнула от себя. Глухой звук где-то внизу. Ах да, похоже она пнула коробку от «Дельты», которая улетела в лестничный проем, разбившись о бетонные ступени где-то между этажами и рассыпав по грязной лестнице кремовые цветы.

В квартире всё было так, как она оставила: утка на кухне, замазанное зеркало в прихожей. Вера не стала включать свет. Скинула мокрую одежду, залезла под тяжелое шерстяное одеяло и закрылась с головой. Ей казалось, что она наконец-то нашла свое идеальное место — внутри этой темноты можно было отбросить весь абсурд прошедшего дня рождения.

Но сон не шел. «Зачем тогда была вся моя жизнь? — думала Вера. — Зачем я затачивала эти карандаши? Зачем хотела быть безупречной в глазах людей, если в момент настоящей катастрофы социум выплевывает меня, даже не поперхнувшись? Если моя точность никому не нужна, значит, не нужна и я».

Только под утро усталость тела взяла верх. Но мозг отчаянно продолжал искать причину катастрофы.

Вдруг Вера услышала визг. Это был крик страдающего животного. Она огляделась по сторонам и с удивлением обнаружила себя стоящей посреди рыночной площади. Все это выглядело, как декорации к историческому фильму: деревянные прилавки, люди в разноцветных костюмах. Их было много кругом, и все были заняты своими делами. Кто-то совал ей в нос какие-то товары, дергал за рукав, другие ехали

мимо на телегах.

Именно за проезжающей мимо телегой Вера увидела собаку. Это была черная, красивая собака с блестящей шерстью и милыми белыми “носочками” на передних лапах. Собака лежала в грязи на обочине дороги и не собиралась никуда бежать.

Одна из лап была отрезана. Она лежала тут же, перед собакой. Вере показалось, что животное кричало больше от неожиданности и удивления, чем от боли. Кровь сочилась из раны, но собака не облизывала ее. Только смотрела и скулила.

Вера попыталась броситься собаке на помощь. Но, как назло, по дороге поехала целая вереница телег, люди настойчивее дергали и звали ее, и на какое-то время Вера забыла о собаке. Когда она вспомнила, криков животного уже не было.

Вера проснулась в холодном поту, и образ чёрной собаки с отрубленной лапой ещё долго стоял перед её глазами, дико диссонируя со стерильной геометрией её спальни. Её рацию аудитора тут же попыталось отмахнуться, списать всё на офисный стресс. Но глубоко внутри, прямо под рёбрами, запыл тупой страх: её собственная психика на каком-то древнем языке предупреждала её о потере главной опоры. Форма была сломана. Защитный каркас дал трещину.

Вера протерла глаза. На часах семь утра. Нужно идти на работу. Дело «Дельта» не ждет. Начальник доверяет только

ей. Она обязана контролировать документы.

Через два часа Вера уже входила в офис. Все было как обычно. Коллеги пили кофе, ходили по коридору, шурша бумагами. Вера прошла в свой кабинет, открыла сейф, чтобы достать папку с первыми аудиторскими выписками.

Сейф был пуст.

Ключевые оригиналы документов по делу «Дельта», от которых зависела судьба ее фирмы, исчезли.

глава 5

Вера стояла перед распахнутой дверцей сейфа. Сердце испуганно ухнуло куда-то вниз. Папка по делу «Дельта», оригиналы выписок, счета-фактуры — всё то, что Игорь Петрович умолял беречь пуще глаза, исчезло.

— Нет, нет, стоп, — Вера зажмурилась, судорожно потирая виски ладонями. В памяти вспыхнул вчерашний кошмар. Разговор с Олегом, нарисованная на полях волна... — Я не убирала их в сейф. Я их смахнула. В ящик стола. Точно.

Она рванула на себя верхний ящик письменного стола. Там ровными рядами лежали скрепки, запасные стержни, блокноты. Но папки «Дельты» не было. Вера не верила своим глазам. Она охапкой вывалила содержимое ящика на пол и прошарила чистое дно. Пусто. Она выдвинула второй ящик, третий... Документы испарились.

Холодные колкие мурашки побежали по спине. Первой логичной мыслью была Света. Вчера в коридоре секретарша искала какой-то договор, она ждала курьера из налоговой. Возможно, Света зашла в кабинет, пока Вера была у врача или когда сидела в оцепенении, или просто забрала бумаги со стола, решив не беспокоить «отсутствующую» коллегу. И пакет от курьера с оригиналами тоже должен быть у неё.

Вера быстрым шагом вышла из кабинета и направилась к приемной Игоря Петровича.

Там царил легкий хаос. Света, обычно безупречно причесанная, сейчас сидела за своим футуристическим белым столом с растрепанным пучком на затылке. Её лицо было пунцовым, а пальцы судорожно сжимали телефонную трубку. На Веру, вошедшую в комнату, она даже не повернула головы. Она была полностью поглощена разговором.

— Да, Игорь Петрович! — Света почти кричала в трубку, её голос срывался на истерический фальцет. — Нет её! Веру Николаевну с самого утра никто не видел! И документы по «Дельте» были у нее! — секретарша выскочила из-за стола и зашагала по приемной. — Я не знаю, что делать, Игорь Петрович, у меня паника! По всей видимости она их унесла!

Вера замерла в двух шагах от её стола.

— Света, ты с ума сошла? — громко сказала Вера, делая шаг вперед. — Я здесь. Посмотри на меня. Какие документы я унесла? Я ищу оригиналы по “Дельте”, и документы, которые курьер должен был привезти!

Света даже не вздрогнула. Её зрачки, расширенные от адреналина, смотрели прямо сквозь Веру на входную дверь приемной. Она продолжала всхлипывать в трубку:

— Да, шеф... Нет, СБ уже в курсе. Они проверяют камеры...

Вера почувствовала, как внутри закипает глухая ярость. Раз уж эта пигалица её не видит, значит, и стесняться больше нечего. Пользуясь своей абсолютной прозрачностью, Вера решительно шагнула к столу Светы.

Она бесцеремонно отодвинула в сторону органайзер, перевернула стопку глянцевого журналов, рванула на себя верхний ящик её стола. Света в этот момент продолжала слушать Игоря Петровича, стоя спиной к столу, пока Вера перебирала папки с входящей корреспонденцией.

Вера прошарила всё. Она искала большой желтый конверт из налоговой, искала синюю папку «Дельты». Ничего. Стол Светы был девственно чист от важных документов. Пакет от курьера сюда вообще не поступал. Руки Веры опустились. Делать здесь было больше нечего. В медленной задумчивости она подошла к двери приемной.

И в этот момент в кармане веринового пиджака ожил её собственный мобильный. Мелодия прозвучала так оглушительно, что Света дернулась и выронила свою трубку.

На экране светилось имя: *Игорь Петрович*.

Вера глубоко вздохнула, нажала кнопку приема и прижала телефон к уху.

— Вера! — рявкнул Игорь Петрович в трубку так, что мембрана динамика жалобно затрещала. — Ты где вообще?! Света тут бьётся в припадке, говорит, тебя нет! Что происходит с «Дельтой»? Где оригиналы документов?!

Голос начальника, заряженный паникой и яростным требованием отчёта, сработал как мощный разряд дефибриллятора. Его острая нужда в Вере как в механизме, тормозящем дело, буквально продавала пространство.

— Игорь Петрович, успокойтесь, я на рабочем месте, —

Вера ответила твердо, стараясь, чтобы её голос не дрожал. — Я стою прямо в вашей приемной. Документов в моём кабинете действительно нет, и я сейчас выясняю, кто имел к ним доступ. Пакет от курьера из налоговой тоже не поступал. Я обещаю вам, что разберусь с этим. Всё под контролем.

— Каком к черту контролем?! — закричал шеф, — служба безопасности пусть каждый час мне докладывает! Мне что, из Красноярска лететь, чтобы найти вам документы?!

— Хорошо, Игорь Петрович, — Вера медленно опустила телефон. В приемной воцарилась гробовая тишина.

Света медленно, словно деревянная кукла, повернулась на каблуках. Её челюсть слегка отвисла. Взгляд, секунду назад бывший абсолютно пустым и блуждающим, наконец-то сфокусировался на Вере. Громкий голос, транслируемый одновременно из динамика и вживую, заставил светин мозг наконец-то «собрать» картинку.

— Ве-вера Николаевна?.. — заикаясь, выдохнула секретарша, и её лицо из пунцового мгновенно стало землисто-серым. Она испуганно отступила на шаг назад, глядя на Веру так, словно та только что материализовалась из воздуха. — Вы... вы откуда здесь? Вы же... Вас тут не было!

— Я стою здесь уже пять минут, Света, — сухо отрезала Вера, поправляя рукава пиджака. — И пытаюсь понять, куда делись оригиналы по «Дельте».

— Я... я не знаю! — Света судорожно сглотнула, её пальцы затряслись, когда она осторожно опустила трубку на базу.

Она смотрела на Веру с дикой смесью облегчения и нарастающего ужаса. — Вера Николаевна, господи... Но служба безопасности... Они ведь уже проверили камеры. На записях видно, как вы вчера уходили с каким-то большим свертком под пальто! И они... они уже вызвали полицию. СБ считает, что это вы вынесли архивы холдинга! Они сейчас поднимаются сюда вместе с нарядом!

глава 6

Дверь приемной с грохотом распахнулась. В комнату стремительно вошел Виктор Сергеевич — начальник службы безопасности фирмы, грузный мужчина с тяжелым подбородком и колючими глазами бывшего полковника МУРа. За его спиной маячил тот самый молодой лейтенант из парка. Тот самый, который накануне ночью отмахнулся от Веры у синих мигалок.

— Так, — Виктор Сергеевич остановился посреди приемной, заложив руки за спину. Его взгляд, тяжелый и сфокусированный, вонзился прямо в лицо Веры. — Вера Николаевна. Ну слава богу, объявились. А то Света тут уже заупокойную по вам читать собиралась.

Пространство вокруг Веры мгновенно уплотнилось, став жестким и колючим, как наждачная бумага. Пелену невидимости, которая еще пять минут назад казалась ей кошмаром, сорвало одним махом. Но легче не стало. Теперь на Веру смотрели все. И в этих взглядах не было прежней теплоты или уважения — только пронзительное подозрение. Она снова существовала для офиса, но лишь в качестве идеального козла отпущения.

Вера выпрямилась.

— Доброе утро, Виктор Сергеевич. Я никуда не пропадала. Я на рабочем месте.

Лейтенант за спиной начальника СБ открыл свой планшет. Он посмотрел на Веру, и в его глазах на секунду мелькнуло странное выражение — легкое дежавю, будто он пытался вспомнить, где видел это бледное лицо. Но туман парка надежно спрятали её в его памяти. Для него она была просто подозреваемой аудиторшей.

— На рабочем, говорите? — лейтенант приблизился к Вере. — А вот камеры на выходе показывают, что вчера в двенадцать вы покинули здание. И не просто покинули, а унесли под пальто некий объемный сверток.

— Светлана утверждает, что оригиналы по делу «Дельта» были у вас, — голос начальника СБ звучал вкрадчиво, со знакомыми интонациями опытного следователя. — В сейфе их нет. В столе нет. Куда вы дели документы, Вера Николаевна? Клиент рвет и мечет. Игорь Петрович из Красноярска звонит каждые пять минут.

— Я ничего не выносила, — спокойно и отдельно ответила Вера, глядя ему прямо в глаза. — Вчера в двенадцать дня я ушла к врачу, потому что почувствовала себя плохо. Под пальто у меня был мой собственный шерстяной палантин, который я свернула, чтобы не намочить под дождем. Документы по «Дельте» я оставила в своем кабинете. Я... я собиралась перепроверить их сегодня утром.

— Сверток, палантин... — Виктор Сергеевич нехорошо усмехнулся. — Вера Николаевна, вы тридцать лет в аудите. Вы прекрасно знаете, что такое коммерческая тайна и какая

ответственность грозит за утерю или... продажу оригиналов встречной проверки. «Дельта» — это миллиардный холдинг. Если эти бумаги всплывут у конкурентов, наша фирма пойдет по миру, а вы — нары топтать. Понимаете масштаб?

— Я не брала документы, — повторила Вера. Внутри у неё всё дрожало, но внешне она оставалась каменной.

Лейтенант кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Вера Николаевна, Виктор Сергеевич прав. У нас есть заявление от руководства фирмы. Вы были последней, кто работал с бумагами. Доступа к сейфу, кроме вас и Игоря Петровича, ни у кого не было. Пакет из налоговой, который должен был прийти вчера, Света тоже не получала. Соответственно, вся цепочка замыкается на вас. Мне придется составить протокол и взять с вас подписку о невыезде, пока мы проводим доследственную проверку. Прошу вас пройти в ваш кабинет для осмотра места происшествия.

В кабинете Веры пахло грозой и чужой бесцеремонной силой. Виктор Сергеевич лично перебирал бумаги в её столе и ящиках, брезгливо расшвыривал ногой канцелярские принадлежности. Лейтенант методично заглядывал под тумбочки и диван, фиксируя «разгром», который Вера устроила утром в поисках папки.

— Ну что, Вера Николаевна, — начальник СБ выпрямился, держа в руках её черновик с нарисованным графитовым штормом. Он нахмурился, разглядывая безумную спираль

Девятого вала, перечеркнувшую строки аудита. — А это что за художества? Аудиторское заключение, а внизу — чертовщина какая-то. Вы вообще в своем уме были, когда это писали? Или это шифр какой-то для поделльников?

— Это просто рисунок, — тихо ответила Вера. Напряжение в комнате было таким плотным, что ей казалось, будто её сдавливают тисками. Фокус их подозрения делал её видимой, но эта видимость была удушающей.

Начальник СБ продолжал трясти листом перед носом Веры:

— Рисунок? Аудитор с тридцатилетним стажем уничтожает бланк строгой отчетности ради «просто рисунка»? В день, когда пропадают миллиардные документы?

Вера не ответила.

Лейтенант с сухим щелчком закрыл свой планшет. Напряжение, соткавшееся в кабинете вокруг фигуры Веры, начало медленно оседать, оставляя после себя привкус чужого казенного равнодушия.

— Улик для задержания сейчас недостаточно, — лейтенант протянул ей бланк. — Камера дает слишком смазанный силуэт, а прямых свидетелей кражи нет. Но покинуть город вы не сможете. Вот подписка о невыезде, Вера Николаевна. И упаси вас бог выключить телефон. Мы вызовем вас, как только начальник СБ подготовит полную опись пропавших документов.

Вера деревянными пальцами взяла ручку, вывела свою

безупречную каллиграфическую подпись и вернула бумагу.

Полицейский кивнул, Виктор Сергеевич напоследок окинул кабинет тяжелым, обещающим неприятности взглядом, и они оба вышли, плотно прихлопнув за собой дверь. Слышно было, как в приемной испуганно зашуршала своими вещами Света, спеша уйти подальше от «опасной» зоны.

Вера осталась одна. Силы мгновенно испарились. Ноги стали ватными. Она опустилась на стул, обхватила себя руками за плечи и уставилась на развороченные ящики своего стола. Её безупречная тридцатилетняя репутация, её гордость — всё было растоптано за одно утро. Мир снова увидел её, но лишь для того, чтобы сделать виноватой. Ехать домой, где на зеркале бушевала розовая волна, не было никакой возможности. Идти куда-то — тоже. Она просто сидела в полумраке, не в силах даже пошевелить пальцем.

В дверь тихо, нерешительно постучали. Вера не ответила, но массивное полотно приоткрылось, и в щель просунулась серая швабра. Следом боком вошел Михеич — пожилой, согбенный уборщик в выцветшем синем халате с ведром в руке.

Увидев Веру, старик замер. На его лице, покрытом сеточкой глубоких морщин, отразилось искреннее смущение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.